

© 1993 г. ИВАНОВА С.А., КАЗЕНИН К.Н.

О КОММУНИКАТИВНЫХ ОГРАНИЧЕНИЯХ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМ

Всякое высказывание на естественном языке включает в себя указание не только на некоторую ситуацию, но и на отношение участников коммуникации к этой ситуации и шире – ко всему передаваемому сообщению. С этой точки зрения компоненты сообщения противопоставляются друг другу как данное/новое, известное/неизвестное, более важное/менее важное, а также по ряду других коммуникативных оппозиций (подробнее см. [1, 2]). Кроме того, говорящий может не только сообщать о некоторой ситуации, но и давать ей свою эмоциональную оценку. Все компоненты такого рода, как бы наслаивающиеся на собственно семантический, или сигнификативный, компонент значения, образуют прагматическое содержание сообщения.

В последние десятилетия для большинства лингвистов стало очевидно, что в языковых правилах самых разных уровней прагматика может играть перво-степенную роль. Важность прагматики для синтаксиса обосновывается, например, в [3–5]. На необходимость разграничения собственно семантической и прагматической информации при описании значений лексем в словаре указывается в [6]. Тем не менее конкретные пути влияния прагматики, и в частности коммуникативных характеристик сообщения, на структуру языка описаны пока далеко не полно. Нашей задачей будет определение места коммуникативно ориентированных правил в таком важном компоненте семантической теории, как описание сложения значений.

Правила сложения значений, т.е. правила, устанавливающие, как значения сложных языковых единиц – словосочетаний, предложений и т.д. – складываются из более простых их компонентов и какие ограничения накладываются на этот процесс, имеются практически в каждой порождающей модели языка (примеры см. в [7, 8]). При всем разнообразии подобных правил, вызванном, в частности, различиями самих моделей, у них существует одна важная общая черта: коммуникативные ограничения на сложение значений в этих правилах учитываются гораздо слабее, чем ограничения, связанные с сигнификативным компонентом значения. Однако оправданно ли это? Факты русского языка заставляют дать отрицательный ответ на данный вопрос.

Наиболее простые ограничения на сочетаемость, не отражаемые в большинстве семантических теорий (см., однако [9, 10]) и имеющие, на наш взгляд, непосредственное отношение к коммуникативной структуре высказывания, связаны с делением смысла на ассерцию и пресуппозицию, или, более точно, на ассертивную и неассертивную части (см. [11]). Согласно сложившейся в семантике традиции, ассерцией называется тот компонент смысла лексемы, который регулярно входит в сферу действия присоединяемого к этой лексеме отрицания вне контекстов контрастивного противопоставления. Данное формальное определение имеет ряд важных содержательных импликаций. Как показано в [12], ассертивный компонент, как правило, несет в себе наиболее актуальную, важную часть передаваемого сообщения, тогда как пресуппозицию обычно формирует подразумеваемая или известная слушающему информация. Это связано с тем, что естественно отрицать пропозицию, истинность или ложность которой не

была оговорена в предтексте. Чтобы убедиться в существовании данной закономерности, достаточно сопоставить употребление в речи лексем, отличающихся друг от друга не составом значения, а лишь членением на ассерцию и пресуппозицию. Выбор конкретной лексики из таких пар осуществляется на основе коммуникативного задания и функционально схож с выбором ремы предложения в потоке речи. Это хорошо видно на классической паре глаголов такого рода – *обвинять* и *осуждать*, различия семантических структур которых описаны в [13]. Фраза типа *Я осуждаю X-а за Р* употребляется тогда, когда информация о совершении человеком *X* действия *Р* является известной слушающему или подразумеваемой, а информация о том, что действие *Р* оценивается субъектом отрицательно, составляет наиболее актуальную часть сообщения, на которой сфокусировано внимание. Легко заметить, что именно эта часть смысла входит в сферу действия отрицания и является, следовательно, ассерцией глагола *осуждать*. Обратное соотношение мы наблюдаем у глагола *обвинять*.

Итак, отнесение некоторой информации к ассерции означает ее прагматическую выделенность. Чтобы показать, что членение смысла на ассерцию и пресуппозицию оказывает влияние на сочетаемость лексем, рассмотрим сочетаемостные особенности русских глаголов, образованных по продуктивным словообразовательным моделям, меняющим границы ассертивной части смысла. Одной из таких моделей является присоединение к глаголу приставки *до-* со значением завершения действия. Легко проверить, что у глаголов с этой приставкой к ассерции относится только смысл "закончить действие". Например, во фразе *Я не дочитал эту книгу* отрицается только то, что субъект завершил чтение. Тот же факт, что субъект читал книгу, не отрицается, а напротив, подразумевается и относится к пресуппозиции. Многие модификаторы, свободно сочетающиеся с глаголами без приставки *до-*, при ее прибавлении теряют возможность сочетаться с ними: *говорил по-английски* / *??договорил по-английски*, *громко пел* / *??громко допел*, *лечил его от ангины* / *??долечил его от ангины*, *лечил его народными средствами* / *??долечил его народными средствами*, *строил дом из кирпича* / *??достроил дом из кирпича*.

Совершенно аналогичные изменения членения смысла на ассерцию и пресуппозицию происходят и при присоединении большинства других русских приставок, например, приставки *пере-* со значением повторного выполнения действия, что отражается и на сочетаемостных свойствах глаголов: *зарядил автомат патронами* / *??перезарядил автомат патронами*, *думал, что Р* / *??передумал, что Р*, *воспитал его мужественным* / *??перевоспитал его мужественным*, *спрятал письмо в стол* / *??перепрятал письмо в стол*. Сходные явления можно наблюдать также при анализе сочетаемости русских глаголов движения с приставкой *при-*: они не сочетаются с обстоятельствами, характеризующими процесс движения, ср.: *ехал по ухабистой дороге* / **приехал по ухабистой дороге*, *осторожно шел вдоль обрыва* / **осторожно пришел*. Очевидно, что семантический предикат "движение" у глаголов с приставкой *при-* не относится к ассерции: *не приехал куда-либо* = "не начал находиться где-либо", а не "не ехал". Значит, у этих глаголов, как и у глаголов с приставками *до-* и *пере-*, ограничена сочетаемость с теми лексемами, которые воздействуют на семантические предикаты, находящиеся не в ассертивной части глагола. Запрещена прежде всего сочетаемость с соответствующими обстоятельствами образа действия и именными группами, заполняющими факультативные валентности предикатов.

Ограничения на сочетаемость, связанные с делением смысла лексики на пресуппозицию и ассерцию, представляют собой наиболее простой пример того, как большая или меньшая прагматическая выделенность некоторого компонента значения лексики влияет на его способность к взаимодействию со смыслами дру-

гих лексем. Это влияние подтверждается другими запретами на сочетаемость, не имеющими отношения к ассертивности/неассертивности смысловых компонентов. Рассмотрим следующие пары предложений:

1а. Преступник бежал от преследователей.

1б. [?]Преступник неся/мчался от преследователей.

2а. Он хвалил мне своего друга.

2б. [?]Он расхваливал мне своего друга.

3а. Он ругал мне своих подчиненных.

3б. [?]Он поносил/обличал мне своих подчиненных.

4а. Ребенок ел фрукты из миски.

4б. [?]Ребенок лакомился фруктами из миски.

5а. Дрова быстро горели.

5б. [?]Дрова бы с т р о пылали/поыхали.

6а. Собака лаяла на меня.

6б. [?]Собака разлаялась на меня.

7а. Он оделся в пальто.

7б. [?]Он разоделся в п а л ь т о.

Разрядкой выделены составляющие, без которых 1б–7б были бы вполне приемлемыми.

Легко заметить, что в предложениях, помеченных как аномальные или сомнительные, глаголы содержат в своем значении указание на превосходную степень некоторого признака действия, т.е. семантический предикат вида "очень", "в высокой степени". Этим они отличаются от соответствующих глаголов в предложениях 1а–7а. Таким образом, налицо квазисинонимические пары *бежать* – *нестись/мчаться*, *хвалить* – *расхваливать*, *ругать* – *поносить/обличать*, *гореть* – *поыхать/пылать*, *лаять* – *разлаяться*, *одеться* – *разодеться*. Семантический предикат "в высокой степени" имеет своей сферой действия не весь смысл лексемы, а один из его компонентов, поскольку можно говорить о высокой степени некоторого признака, параметра действия, а не действия в целом. Естественно, что именно этот компонент в семантике интересующих нас глаголов находится в фокусе внимания говорящего, так как в противном случае, т.е. если бы он имел для говорящего второстепенное значение, следовало бы ожидать употребления "нейтральных" глаголов из предложений 1а–7а, где отсутствует фокусировка внимания на каком-либо отдельном компоненте смысла. Можно показать, однако, что в предложениях 1б–7б выделенные разрядкой лексемы воздействуют на другие компоненты смысла, которые находятся вне сферы действия предиката "в высокой степени" и, следовательно, вне фокуса внимания. Сравним, например, 5а и 5б. Значение глагола *гореть* можно представить в виде "уничтожаться, излучая свет и тепло" (см. описание значения этого глагола в [14]). В глаголах же *поыхать* и *пылать* полнее, чем в *гореть*, охарактеризован второй компонент толкования: *поыхать* (= пылать) = "уничтожаться, излучая я р к и й свет и тепло" (= "много света и тепла"). Таким образом, эти два глагола естественно употребить, когда наибольший интерес представляет не горение, т.е. уничтожение предмета, само по себе, а производимый им внешний эффект. Наречие *быстро*, однако, может модифицировать только смысл "уничтожаться", который в 5б вне фокуса внимания. Аналогичные явления мы наблюдаем в предложениях 4а–4б. Глагол *лакомиться* обозначает "принимать пищу, получая большое удовольствие от ее вкуса". Обстоятельство *из миски* уточняет характеристики физического акта приема пищи, а не сопутствующих ощущений субъекта, т.е. так же, как *быстро* в 5б, воздействуют не на тот семантический предикат, который находится в центре внимания. То же самое можно сказать об обстоятельстве *от преследователей* в предложении 1б. В глаголах *нестись* и *мчаться*, в отличие от *бежать*, налицо

фокусировка внимания на очень высокую скорость бега. Присоединяемое же к глаголу обстоятельство модифицирует другой параметр действия, не находящийся в фокусе. Таким же образом в 6б глагол *разлаяться* указывает на повышенную громкость и продолжительность лая, а обстоятельственная группа *на меня* характеризует другой параметр действия, находящийся вне сферы действия предиката "в высокой степени". Похожую картину можно усмотреть и в других приведенных примерах.

Итак, анализ предложений 1–7 показывает, что фокусировка внимания на одном из компонентов значения лексемы как на находящемся в сфере действия предиката "в высокой степени" затрудняет сочетаемость лексемы с теми единицами, которые воздействуют на другие компоненты смысла. Тем не менее оказывается, что это правило есть частный случай одной более общей закономерности, регулирующей сочетаемость лексем. Прежде чем сформулировать ее, рассмотрим некоторые другие примеры ее действия.

1) Как мы уже отмечали, в глаголах движения со значением "в результате движения начать находиться где-либо" к ассерции относится только компонент "начать находиться", и поэтому такие глаголы, как *прийти*, *приехать* и т.д., не присоединяют модификаторов, воздействующих на смысл "движение". Тем не менее ряд других глаголов движения с таким же членением смысла на пресуппозицию и ассерцию допускает сочетаемость с подобными модификаторами. Так, при невозможности словосочетаний **медленно прийти*, **осторожно прийти* вполне приемлемы сочетания *медленно/осторожно войти*, *медленно/осторожно взойти на гору*. Аналогичные явления мы наблюдаем у глаголов со значением "в результате движения перестать находиться где-либо": неправильны сочетания **медленно/осторожно уйти откуда-либо*, но возможны *медленно/осторожно выйти*, *медленно/осторожно сойти*. Глаголы, допускающие сочетания с наречиями, характеризующими процесс движения (*взойти*, *войти*, *выйти*, *сойти*), отличаются от глаголов, не допускающих таковых (*уйти*, *уехать*, *прийти*, *приехать*), тем, что содержат более подробную характеристику процесса движения уже в своей собственной семантике. Так, глагол *войти*, в отличие от *прийти*, означает прибытие не просто в какую-то точку, а в некоторое замкнутое пространство. Однако ясно, что если субъект в результате движения оказался в некотором замкнутом пространстве, то он обязательно должен был пройти через некоторый проем (дверь, ворота и т.д.), который соединяет это пространство с внешним миром. Таким образом, глагол *войти* имплицитно содержит в себе информацию о пути движения субъекта, которая в глаголе *прийти* отсутствует. Аналогично глагол *взойти* обозначает, что субъект начал находиться на некотором возвышении, до этого находясь у его подножья. Следовательно, и в этом глаголе есть указание не только на конечную точку, но и на путь движения. Такое же соотношение наблюдается между глаголами *выйти* и *сойти*, с одной стороны, и *уйти* – с другой. Глагол *выйти*, подобно *войти*, указывает на то, что субъект прошел через некоторый проем, а глагол *сойти* – на то, что субъект двигался сверху вниз. Значит, эти два глагола описывают процесс движения полнее, чем *уйти*. Они, в отличие от *уйти*, свободно присоединяют и обстоятельства, определяющие способ движения.

2) Глаголы, обозначающие речевые акты, согласно А. Вежибицкой [15], имеют следующую семантическую структуру: "X сказал что-либо Y-у с целью Q(Y)". Например, глагол *сообщить* может иметь такое толкование: X *сообщил* Y-у с R = "X сказал что-либо Y-у, чтобы Y знал, что R". Заметим, что глагол *сообщить* способен сочетаться с обстоятельствами, модифицирующими его "речевой" компонент, – "X сказал что-либо Y-у", например, *громко сообщил*, *по-английски сообщил*. Однако далеко не все глаголы со схожей семантикой

допускают эти сочетания так же свободно:

8. ?Он по-английски/громко сознался, что Р.

9. ?Он по-английски/громко отрицал, что Р.

10. ?Он по-английски/громко предупредил меня, что Р.

Глаголы речи в этих предложениях более полно, чем *сообщать*, определяют содержание высказывания. Так, глагол *сознаться* указывает на то, что субъект информирует о некоторых событиях, которые не принято предавать огласке или о которых ему неприятно сообщать окружающим. Глагол *отрицать* означает, что сообщаемая субъектом информация представляет собой отрицание некоторого события. Наконец, глагол *предупредить* значительно жестче, чем *сообщить*, ограничивает содержание сообщения – это может быть только сообщение о событиях, которые могут произойти в ближайшем будущем и иметь важные для адресата последствия. Итак, более подробная характеристика содержания высказывания в толковании глагола уменьшает способность этого глагола сочетаться с обстоятельствами, характеризующими не содержание или цель, а акт произнесения высказывания.

3) Среди более мелких групп лексем, на которых можно наблюдать действие интересующей нас закономерности, заслуживают упоминания квазисинонимические глаголы *закрыть* и *захлопнуть*. Оба глагола включают указание как на физическое действие, так и на его результат, т.е. приведение окна, двери и т.д. в закрытое положение. При этом глагол *захлопнуть* содержит более подробную характеристику физического действия – он указывает на то, что действие было произведено резко. Наречие же *плотно* в сочетании *плотно закрыть* модифицирует не действие, а результирующее состояние: *плотно закрыть дверь* = "сделать так, чтобы створки двери сомкнулись, не оставляя зазора". Сочетание *?плотно захлопнул дверь* явным образом не приемлемо.

Итак, все рассмотренные случаи сочетаемости запретов позволяют нам установить следующую общую закономерность: чем больше семантических модификаторов имеется у некоторого семантического предиката в толковании лексемы, тем легче сочетается данная лексема с лексемами, воздействующими на этот семантический предикат.

Отметим, что гипотезы о существовании подобной закономерности на основании анализа другого языкового материала высказываются в [16, 17]. Следовательно, ее действие можно, по-видимому, считать достаточно универсальным.

С точки зрения общей теории коммуникации данная закономерность вполне объяснима. Действительно, если говорящий из двух или нескольких квазисинонимичных лексем выбирает такую, в которой некоторый компонент описываемой ситуации (т.е. какой-либо ее этап или параметр) охарактеризован полнее, чем в других лексемах, то он предполагает, что информация об этом компоненте имеет важное, принципиальное значение для слушающего. В противном случае употребление этой лексемы было бы нарушением коммуникативных постулатов Грайса (см. [18]). Однако по таким же причинам к фокусировке внимания на некотором семантическом предикате приводит присоединение к лексеме "внешних" модификаторов, которые, воздействуя на него, подробнее, чем сама лексема, описывают данный компонент ситуации. Таким образом, во всех приведенных выше аномальных словосочетаниях и предложениях имеется по два предиката, на которых сфокусировано внимание. Представляется абсолютно естественным, что наличие двух фокусов внимания внутри одной достаточно мелкой синтаксической единицы нежелательно. Лингвистические исследования последних десятилетий показали, что данное правило справедливо практически для всех типов прагматических выделений: неприемлемы или по крайней мере странны предложения, содержащие два топика, два фокуса эмпатии, две контрастные ремы и т.д. – о некоторых ограничениях подобного рода см., например, в [19].

Если бы подобные структуры были возможны, то в них неминуемо происходило бы рассеивание внимания между несколькими "прагматическими пиками", т.е. рассогласование двух прагматических выделений.

В заключение следует подчеркнуть, что прагматические правила, регулирующие лексическую сочетаемость, вовсе не призваны "отменить" или заменить собой собственно семантические сочетаемостные ограничения. Совершенно ясно, что адекватное описание сочетаемости может быть построено лишь на основе взаимодействия этих двух групп правил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chafe W. Givenness, contrastiveness, definiteness, topics and point of view // Subject and topic / Ed. by Li Ch. N.Y., 1976.
2. Chafe W. Cognitive constraints on information flow // Coherence and grounding in discourse (TSL 13) / Ed. by Tomlin R. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
3. Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
4. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
5. Givón T. On understanding grammar. N.Y., 1979.
6. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация в толковом словаре // Прагматика и проблемы интенциональности М., 1988.
7. Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
8. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл $\Leftrightarrow$ Текст". М., 1974.
9. Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
10. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики: Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
11. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
12. Jackendoff R. The semantic interpretation in generative grammar. N.Y., 1974.
13. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
14. Апресян В.Ю. Словарная статья глагола *гореть* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
15. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt-am-Main, 1972.
16. Рахилина Е.В. Лексическое значение и коммуникативная структура (К постановке проблемы) // НТИ. Сер. 2. 1992. № 6.
17. Филипенко М.В. О сочетаемости глагола с наречием // Ин-т лингвистических исследований РАН: Тез. докл. XI конф. молодых ученых. С.-Пб., 1992.
18. Grice H. Logic and conversation // Syntax and semantics. V. 3. N.Y., 1975.
19. Subject and topic / Ed. by Li Ch. N.Y., 1976.

* Выражаем признательность А.Е. Кибрику, Е.В. Падучевой и Е.В. Рахилиной, сделавшим в процессе работы над статьей существенные замечания, которые мы постарались учесть.